

Шисуи шел быстро, с трудом сдерживая желание ускориться, перейти на бег. Он Учиха и на него смотрят люди. Ками-сама, как он в этот момент ненавидел свою фамилию! Идти чинно и благородно, в то время когда хочется сорваться на бег. Внутри все закручивается в тугой узел, любая секунда промедления может стоить Какаши-сан жизни! Хокаге не ошибся, когда давал это задание ему, он выполнит его в кратчайшие сроки и качественно. Благо, старшие товарищи легко согласились пойти с ним на миссию. Медведь и Пантера, хотя уже давно просто Кусанаги и Куруне. Ему повезло, что у него есть такие товарищи и те без проблем соглашаются пойти с ним. Именно они не дают совершать глупости, осаживая, когда он совершенно забывает обо всем. Мужчины слишком хорошо понимают, что заставляет молодого парня рвать жилы и стремиться оказаться ближе к границе Узу-но-Куни, как можно скорее. Шисуи не стал утаивать от них информацию и рассказал все, что ему удалось узнать, не забыв упомянуть Какаши-сан.

Добраться до границы им удалось быстро. Учиха заранее послал свой призыв на разведку, перекрыв все удобные тропки, да и неудобные тоже. Он старательно отыскивал кирининов, которые пытались прорваться в Хи-но-Куни и скрыться на ее просторах от преследователей. Находил, захватывал, допрашивал и отправлял в Коноху для дальнейшего разбирательства. Шисуи не волновало то, что с ними будет потом, он все больше ощущал отчаяние. Он за неделю допросил слишком многих и даже нашел трех человек, которые видели Какаши-сан. У нее изменили внешность, постаравшись вернуть серость, но до конца это не вышло. Он узнал бы ее из тысяч других людей, но этого было мало. Ее следы терялись после последнего боя, а после начали появляться свидетели битвы между биджу и Теруми Мей. Хотя его волновало другое, в одной из трех фигур он узнал Какаши-сан. Узнал...

Перед глазами появляется воспоминание, до которого Учиха с трудом добрался, слишком сильная природная защита была у киринина, а он устал. Впрочем, все это меркнет, когда он видит бой... бой между джинчурики и тремя маленькими на фоне высвобожденного биджу фигурками. Учиха не знает, какую технику применила девушка, в которой он узнал Хатаке, но все же отметил, как ее левый глаз полыхнул алым, а после пространство рядом со спящим джинчурики смялось, рана маленькую фигурку. Шисуи невольно ощутил, как ему становится страшно, ибо простой шаринган на это не способен, а значит... что это может значить, он додумать не успел. Хрупкую женскую фигурку пробивает насквозь катана появившегося за ее спиной одноглазого мужчины. Ао, подсказывает чужое сознание. Ао помощник Теруми Мей, которая стала Годайме Мизукаге. Хотя какая разница?! Клинок пробивает насквозь, изо рта Какаши-сан выплескивается кровь, а после она хватает рукой за торчащее лезвие и все тонет в яркой вспышке молнии и воспоминание обрывается. Однако Учиха не верит в это! Попавшийся ему в руки должен что-то знать! Хатаке не могла умереть, он должен увидеть, узнать...

— Шисуи-сан, прекрати! — от пускающего слюни киринина его оттягивает Кусанаги. В мужчину впивается полубезумный взгляд, красные глаза, но вместо трех томоэ, четырехконечный сюрикен. Учиха выглядит полностью потерявшим над собой контроль, готовым убить любого. — Очнись! В чем дело? Что этот идиот тебе сделал?!

— Какаши-сан... — пару секунд Шисуи молчит, заставляя своих товарищей нервничать и коситься на свалившегося им под ноги киринина. Овощ. Другого определения они дать не могли. Всегда аккуратный, спокойный и крайне рассудительный Учиха, буквально выжег ему мозг, но что заставило его так поступить, они понять не могли. — Какаши-сан... умерла.

— Что? — Кусанаги и Куруне замерли с одинаковым выражением на их лицах. Они не поверили услышанному, посчитав, что им послышались.

— Он видел, как погибла Какаши-сан, — тихо и как-то обреченно произнес Шисуи, запуская руку в волосы. Негромкий, полный тоски смех разнесся по пустынному побережью.

— Ты уверен? — осторожно интересуется Куруне, искренне надеясь, что Учиха не сошел с ума, ибо приводить его в порядок придется им, а он не был наивным и понимал, что с ним им не справиться. Парень в свои пятнадцать, был гораздо сильнее их и дело тут было далеко не в шарингане.

— Действительно, может ошибка? — поддакивает Кусанаги. — Тайчо была довольно предусмотрительной...

— Предусмотрительной? — чужой взгляд пугает своей пустотой и мужчины синхронно отшатываются. Слишком много боли слышно в тихом голосе. Человек не может испытывать такие эмоции.

— Этот видел мертвое тело? — Куруне берет себя в руки первым и небрежно кивает на пускающего слюни киринина.

— Нет, — глухо, но уже с гораздо меньшей тоской раздается в ответ.

— Тогда хватит киснуть, надо продолжить поиски! — решительно поддержал товарища Кусанаги.

— Вы правы, — усмешка выходит кривой, а в уже черных глазах нет уверенности. Он просто старается не потерять надежду, цепляясь за любой, самый призрачный шанс. Шисуи не хочет верить в смерть Какаши-сан. Умереть может кто угодно, но только не отмеченная Тсукуеми!

Искать любую зацепку, даже самую маленькую, а получив... бросаться проверять ее сломя голову. Шисуи потерял счет времени, он уже не мог вспомнить сколько же неудачных попыток у него было. Он просто хотел узнать, найти! Не получалось. Ни одного человека, который был бы достаточно близок в тот момент, когда тело Какаши-сан пронзала катана. Все кто видел момент смерти Хатаке, были слишком далеко и он устал... устал каждый раз видеть ее смерть. Просыпаться от очередного кошмара, где видел, как она умирает, но во сне он стоит близко, видит каждый миллиметр клинка, который мучительно медленно входит ей в тело, а после окровавленное лезвие натягивает защитный жилет на ее груди и прорывает его. Медленно, он успевает заметить каждую эмоцию девушки и прочувствовать свое бессилие. Учиха каждый раз не успевал, оставаясь безмолвным наблюдателем, не имея возможности даже пошевелиться. Он мог только смотреть и медленно умирать вместе с Какаши-сан. Чувствовать ее боль, как свою и просыпаться в тот самый момент, когда вспышка молнии ослепляет всех.

Надежда постепенно гасла в душе Шисуи, а кошмары усугубляли дело. Он практически не спал, да и есть не хотел, через силу впихивая в себя пищевые пилюли. Последним, завершающим аккордом стало то, что он встретил отряд, где были люди, которые слышали разговор Теруми Мей и ее подчиненного Ао. Какаши-сан была мертва. Стопроцентно. Мертва... в голове молодого парня набатом билась эта мысль. Повторялась сотни раз и не хотела отпускать. Ао повезло, что у него был бякуган и он не решился идти дальше. Отступив,

тонкими струями воды перерезав глотки пускающим слюни товарищам. Утащить всех четверых он бы просто не смог. Да и смысла не было, Шисуи был слишком зол, когда узнал подробности и только быстрая реакция вкупе с длинными ногами, спасла Ао от смерти. Учиха не был настроен его жалеть. Помедли тот хотя бы мгновение, а не уйди сразу после применения дзюцу Суйтона шуншином, его бы настигло черное пламя и Шисуи было бы плевать на последствия! Он посмел... от осознания того, что посмел сделать кириин, все в душе обрывалось.

— Шисуи-сан? — осторожно уточняет Кусанаги, чувствуя, что с их командиром что-то не то, но не зная в чем причина.

— Этого на какое-то время хватит, — тихим, тусклым голосом отзывается он. — С остальным справятся стандартные патрули. Уходим.

— Э? — Куруне удивленно смотрит на то место, где еще недавно был их командир, а после переводит взгляд на друга. Им не надо говорить друг другу ничего, они уже давно понимают товарища без слов.

— Поспешим, — ему достается точно такой же непонимающий с возрастающей тревогой взгляд, а после они одновременно исчезают, перемещаясь вслед за Учиха.

Мужчины внимательно следят за молодым парнем, они не спрашивают, не лезут под руку. Слишком хорошо понимают, что значит пустота во взгляде Учиха. Он сам напоминает марионетку. Равнодушен, холоден и бескомпромиссен. Уходя с границы он не спрашивает, не дает советы, он просто ставит перед фактом и обрисовывает задачи. Спорить с ним не решается никто. Его черные глаза напоминают провалы в бездну. Слишком пустые, холодные. Кажущиеся дико неправильными на таком молодом лице и не важно, Учиха ли этот шиноби, или даже Хьюга, у человека не должно быть таких глаз. Едва взглянув в них, даже у самых смелых не хватает духу спорить или огрызаться. Они молча подчинялись, стараясь поскорее скрыться и забыть эти пустые, мертвые глаза. Казалось, что у Шисуи отняли смысл жить. В один день молодой, полный жизни парень — потух. Исчезла искра жизни в его взгляде. Трогать его было просто опасно, но и оставлять в таком состоянии было нельзя. Учиха срочно требовался кто-то близкий, тот кто сможет вытянуть его из этого состояния. Мужчинам с трудом удалось тайно от Шисуи передать послание Фугаку-сама, но в ответ получили короткое:

«Ждать и идти в Коноху». Делать им было нечего и они подчинились, с каждым днем все сильнее и сильнее беспокоясь о состоянии молодого командира.

В тревогах прошли несколько дней пути. Учиха больше никуда не торопился, задавая довольно ровный темп. Ему больше некуда и незачем было спешить. Все действия выполнялись автоматически, он сам толком не понимал куда? Зачем? Ради чего? Просто двигался потому что стоять на месте смысла не было. У него еще было одно незаконченное дело, он обязан был отчитаться о проделанной на границе работе и тогда уже будет полностью свободен. Можно было плюнуть на это все, но Какаши-сан бы не одобрила... если бы была жива. От этой мысли становится только больнее, а в груди росла пустота, которая постоянно напоминала о себе, не давая забыть о судьбе Какаши-сан ни на секунду... Он винил во всем произошедшем только себя. Именно его действия запустили всю цепочку событий. Он и только он виноват в произошедшем. Только вот осознание этого не приносило облегчения, ему становилось только хуже. Он сам, своими руками разрушил мечту, отобрал у этого мира чудо.

Пересекая ворота Конохи, он увидел ее сразу. Увидел и не поверил. Простенькие бриджи, короткая туника с длинным рукавом, которую обхватывал широкий пояс. Густые серебристые волосы убранные в высокий хвост, с которым радостно играл ветер. Левый глаз привычно скрывала телесного цвета повязка. Она шла по улице в сторону ворот, к которым они подходили. На пухлых губах играла легкая улыбка и взгляд ни на чем не задерживался долго, а после она перевела его на ворота и заметила их. Он вздрогнул, встретившись взглядом с ней. В душе начала подниматься буря, захотелось бросить все и рвануть к Какаши-сан. Прикоснуться, убедиться, что она жива, но... перед глазами вновь встала картина ее смерти, слова кирининов, которые были уверены в смерти замаскированной куноичи. В голове набатом звучали слова — она мертва. Захотелось выть от бессилия. Его безумие, личное наваждение стало еще сильнее. Оно не просто дразнило несбыточным, оно хотело с ним говорить!

Шисуи вряд ли сможет вспомнить все, что тогда говорил. Его просто съедала боль и осознание, что он больше не может. Еще немного и он окончательно сойдет с ума! Учиха просто хотел сдать отчет и исчезнуть. Желательно в буквальном смысле. У него больше не было сил терпеть, он не понимал зачем ему жить? Хотя и признавал, что прикосновение его видения было крайне приятным, а после... кто бы сказал ему раньше, что он будет радоваться боли, которую несет разряд Райтона, он бы покрутил пальцем у виска! Однако он радовался, пытался взять непослушное тело под контроль и прикоснуться к девушке самостоятельно. Обнять, прижать к себе и никуда не отпускать! Ведь она жива, вернулась, плевать на все остальное! Оно просто перестает существовать, важна только девушка перед ним, то как она позволяет себя обнимать, вдыхать запах ее волос. Шисуи боится говорить, голос может его подвести. Он не хочет показывать свою слабость, ведь так долго хотел быть настоящим мужчиной, защитником для нее. Он просто стоит и крепко сжимает ее в объятиях, наслаждаясь этой близостью.

— Я живая, Шисуи, живая... — чужой голос мягок и ласков, а прикосновение гладящих по спине рук, практически невесомы. Они сводят с ума, заставляют поверить... но он не позволяет себе ничего большего. Просто стоит и пытается успокоиться, слушает голос Какаши-сан, но понимает от силы два слова из десяти. Учиха просто наслаждается тем, что она рядом. Это было правильно, он уверен, что так должно быть всегда. — ...кстати, я стала ка-чан!

— Что? — последние слова сказаны чуть громче, выделяясь среди остальных фраз и он невольно обращает на нее внимание. Медленно прокручивает в голове, а после ощущает, как горло пересыхает и следующие слова даются тяжело. — Стала кем?

— Ты меня совсем не слушал, Шисуи, — девушка слегка отстраняется и поднимает голову, недовольно надув губы, но, спустя мгновение, она уже широко улыбается. Учиха невольно заливается на пухлых губках, по которым скользнул юркий язычок, поэтому следующие слова доносятся до него, как сквозь вату. — Я во время задания встретила двух сирот и забрала с собой, а они теперь называют меня ка-сан, вот я и записала их, как своих сыновей! — тихий смешок и она заговорщицким шепотом добавляет. — Одному из них нет еще и года, поэтому все считают его моим родным сыном, но... тсс! — Хатаке прикладывает пальчик к губам и слегка улыбается. — Обещаешь никому не говорить? Это секрет!

— Да! — парень кивает, заворожено смотря на девушку, которая даже не пытается вырваться из его рук. Возникло ощущение, что она тоже считает, что это правильно. О! Как бы Шисуи хотел, чтобы это было так! Однако сил спросить нет, он вновь ощущает себя восторженным ребенком, который смотрит на взрослую и сильную куноичи, и не важно, что сам уже ростом выше нее.

— Тут неподалеку есть красивая полянка, идем, — Какаши-сан легко выскальзывает из ослабевших объятий и, пока Учиха не заволновался, берет его за руку и куда-то ведет. Шисуи совсем не запоминает дорогу, послушно следуя за девушкой. Ему все равно, пусть это будет сон или галлюцинация, она рядом! Он ощущает тепло ее руки. — Ну?

— Что? — Учиха растерянно смотрит на Хатаке, которая отпустила его ладонь и села на

большой сухой валун, непонятно откуда появившийся в сердце Конохи, да и еще так далеко от ручьев.

— Расскажешь, что тут происходило без меня? — ему достается еще одна теплая улыбка, а Какаши-сан просто хлопает рядом с собой, приглашая парня присесть. Простой жест, но он поднимает бурю в душе Учиха. Он послушно садится рядом и начинает свой рассказ. Он избегает рассказывать о боли, которую испытывал все это время, ни словом не обмолвился о трудностях, что ему пришлось испытать. Шисуи старательно вспоминает истории из жизни, говорит о чужих успехах и попытках стать сильнее, но между строк читается «Я ждал тебя».

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55802/1424051>